Научная статья

УДК 32.019.5 + 94(470)“1990” + 94:159.953

doi 10.15826/tetm.2021.3.019

Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов

Ольга Юрьевна Малинова^{1, 2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

omalinova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2754-8055>

Аннотация. В статье рассматриваются соперничающие нарративы о событиях августа 1991 г. — путче ГКЧП и его провале в результате сопротивления демократических сил — и их связи с распадом СССР. Хотя провал путча ГКЧП мог бы стать благодатным материалом для конструирования мифа основания новой демократической России, в начале 1990-х гг. российские власти не столько не смогли, сколько не захотели заниматься его продвижением. В дальнейшем, с приходом на пост президента В. В. Путина, власть уклонилась от коммеморации августовских событий, предоставив формирование памяти о них другим мнемоническим акторами. В статье проводится сравнительный анализ смысловых схем соперничающих нарративов, представленных в центральных СМИ в периоды юбилейных годовщин 2001, 2011, 2016 и 2021 гг. Анализируя динамику основных нарративов, автор приходит к выводу, что спустя 30 лет сформировался гибридный режим памяти о событиях 1991 г., который характеризуется комбинацией мнемонических уклонистов (в лице власти и большинства общества) и мнемонических воителей (в лице сторонников соперничающих нарративов о победе демократической революции и утрате советской Родины/великого государства). Очевидно мирный характер коммеморации тридцатой годовщины свидетельствует не столько о преодолении конфликта между разными версиями памяти, сколько об изменении конфигурации сил конкурирующих сторон и нарастании апатии со стороны большинства.

Ключевые слова: политическая память, нарратив, августовский путч 1991 г., режим памяти

Для цитирования: Малинова О. Ю. Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 3. С. 19–26. doi 10.15826/tetm.2021.3.019.

Благодарности: публикация подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг., проект № 20-01-058.

Original article

The August 1991 Coup D'état and the Collapse of the Soviet Union in the Political Memory of Contemporary Russia: the Evolution of Competing Narratives

Olga Iu. Malinova^{1, 2}¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia²Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russiaomalinova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2754-8055>

Abstract. The article analyzes the competing narratives about the events of August 1991, i.e., the GKChP coup d'état and the democratic resistance that led to its failure, as well as their connections with the collapse of the Soviet Union. The failure of the coup d'état could be a nice myth of origin for the new democratic Russia. However, in the beginning of the 1990s, the Russian authorities did not push its construction. Later, with Vladimir Putin's coming to the president's office, the authorities preferred the strategy of mnemonic abnegation thus leaving a formation of memory about the 1991 events to another mnemonic actors. The article provides a comparative analysis of the competing narratives presented in media in the "jubilee" periods, in 2001, 2011, 2016 and 2021. The author concludes that, after 30 years, the mnemonic regime for commemoration of the August 1991 coup is a hybrid one. While the authorities and the majority of society indulge in mnemonic abnegation, the active roles are performed by the mnemonic warriors who promote the competing narratives depicting the events either as the victory of democratic resistance or as the loss of the Soviet Motherland/great superpower. The evidently peaceful character of the commemoration of the 30th anniversary of the August coup could be explained not by mitigating conflict between these competing narratives but by changing configuration of the competing sides, as well as by the growing apathy in the society.

Keywords: political memory, narrative, August 1991 coup d'état, mnemonic regime

For citation: Malinova, O. Iu. (2021). Avgustovskii putch 1991 g. i raspad SSSR v politicheskoi pamyati sovremennoi Rossii: evolyutsiya sopernichayushchikh narrativov [The August 1991 Coup D'état and the Collapse of the Soviet Union in the Political Memory of Contemporary Russia: the Evolution of Competing Narratives]. *Tempus et Memoria*, 2, 3, 19–26. (In Russ.). doi 10.15826/tetm.2021.3.019.

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2020–2021 (grant № 20-01-058).

Настоящая статья посвящена соперничающим интерпретациям одного из поворотных эпизодов новейшей отечественной истории — августовского путча 1991 г. и распада СССР. Предметом моего анализа является *политическая память*, то есть совокупность исторических нарративов, образов и символов, на которую опираются политические идентичности. В типологии, предложенной Алейдой Ассманн, политическая память выделяется как память, формируемая «сверху». Будучи связанной с сильными императивами лояльности, она «закрепляется политическими институциями» и является «гораздо более унифицированной конструкцией», нежели социальная память,

«которая является памятью “снизу” и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений» [Ассманн, 36]. В этом смысле события 1991 г. представляют собой интересный случай, поскольку, несмотря на их очевидно ключевую роль в падении советского и рождении нового российского политического режима, «унифицированная конструкция» для их интерпретации не сложилась. Власть от продвижения собственного мифа уклонилась. Смысловые рамки памяти об августовском путче и о связанных с ним событиях формируются акторами, отстаивающими разные, порой взаимоисключающие интерпретации, которые тем не менее остаются значимыми для конструирования

идентичностей соперничающих политических групп. Таким образом, мы имеем дело не с унифицированной, но с разделенной политической памятью. Это хороший материал для изучения политики памяти как взаимодействия мнемонических акторов, продвигающих собственные версии недавнего прошлого.

Мое исследование посвящено эволюции соперничающих нарративов о событиях августа 1991 г. и их связи с распадом СССР. Нарратив понимается здесь как сюжетное повествование, описывающее цепь (предположительно) причинно-связанных исторических событий. В отличие от профессиональной историографии «политика памяти» работает с упрощенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия схемам. Нарративы, описывающие «один и тот же» исторический процесс, могут существенно отличаться друг от друга, но вместе с тем должны иметь структурное сходство. Данное обстоятельство служит основанием для сравнительного анализа смысловых схем соперничающих нарративов, который позволяет не только выявить их сходства и различия, но и проследить их эволюцию (если таковая имеет место) (подробнее о данной методике см.: [Малинова 2018]).

Поскольку события прошлого оказываются в центре общественной повестки в периоды коммеморации — актов их публичного «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте [Малинова 2017, 10], которые, как правило, привязаны к соответствующим годовщинам, особенно «круглым», при сборе материала для исследования я ориентировалась на публикации СМИ в августе и декабре 2001, 2011, 2016 и 2021 гг., когда отмечались соответственно 10, 20, 25, 30-летие августовского путча и распада СССР¹. Источниковая база формировалась путем систематического поиска в коллекции «Центральная пресса России» на платформе East View, которая включает около 40 центральных газет и онлайн-ресурсов. Эту подборку я дополняла материалами официальных сайтов органов государственной власти и политических партий.

¹ Выводы данного доклада носят предварительный характер, поскольку для 2021 г. сбор материала еще предстоит завершить в декабре.

Для анализа этого материала я использовала концепцию «режимов памяти», предложенную М. Бернхардом и Я. Кубиком для сравнительного исследования коммемораций 20-летия падения коммунистических режимов в Восточной Европе. Режим памяти здесь понимается как «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия» [Twenty years..., 4]. Согласно Бернхарду и Кубику режим памяти определяется тем, как выстраиваются взаимодействия между основными мнемоническими акторами, продвигающими собственные версии памяти о коммеморируемом событии. А это, в свою очередь, зависит от того, каких стратегий они придерживаются. В зависимости от выбранной стратегии Бернхард и Кубик предлагают выделять 1) *мнемонических борцов* (mnemonic warriors), которые представляют свое видение прошлого как единственно верное и стремятся делегитимизировать нарративы оппонентов, проводя границу «свой» — «чужой»; 2) *мнемонических плюралистов* (mnemonic pluralists), которые признают право на существование иных интерпретаций и готовы вести переговоры с оппонентами; 3) *мнемонических уклонистов* (mnemonic abnegators), которые по тем или иным причинам избегают активного участия в реинтерпретации коммеморируемого события; 4) *строителей будущего* (prospectivists) — акторов, убежденных в том, что они разгадали загадку истории и обладают ключом к будущему. Они столь же агрессивны, как и «борцы», но, в отличие от них, действуют на основе убежденности в «истинном» знании не прошлого, а будущего. Ярким воплощением этого типа акторов были большевики, однако в современном восточноевропейском контексте Бернхард и Кубик не находят ему соответствия [Ibid., 12–15]. Использование этой концепции помогает выявить динамику режима памяти о событиях августа и декабря 1991 г., связанную с изменением конфигурации акторов, артикулирующих основные соперничающие нарративы.

События августа 1991-го по праву могли бы стать мифом основания новой России. Следует заметить, что властвующая элита девяностых действительно нуждалась в таком мифе,

поскольку предложенный ею официальный исторический нарратив — нарратив о «новой России», основанный на противопоставлении нового демократического опыта прошлому, имперскому и советскому, — нуждался в символическом событии, которое могло бы служить точкой отсчета для новой России. Августовский путч и его провал в результате сопротивления демократических сил в Москве, Ленинграде и некоторых крупных городах мог бы стать благодатным материалом для конструирования такого мифа. Конечно, массовое сопротивление было локализовано в столицах (и во многих местах власти были готовы встать на сторону ГКЧП), уровень насилия в действительности не был существенным (а потенциальные угрозы сложно оценивать ретроспективно), и путч был подавлен за три дня. Все это впоследствии рождало сомнения в серьезности произошедшего. Но само по себе это не было помехой для превращения победы над ГКЧП в символический момент рождения нового режима: многие вполне успешные мифы основания конструировались путем творческого обобщения исторических фактов, достаточно вспомнить примеры Великой Октябрьской революции, провозглашения независимости США, взятия Бастилии.

Хотя в самом начале 1990-х гг. на уровне риторики власть разделяла нарратив о победе демократической революции, усилия по формированию поддерживающей его символической инфраструктуры не носили систематического характера. Это хорошо показано в книге Кэтлин Е. Смит, посвященной политике памяти в 1990-х гг. [Smith, 30–56]. Казалось бы, первые шаги в этом направлении были предприняты сразу: 22 августа объявлено Днем Свободы; территория напротив Белого дома названа Площадью Свободной России, а триколор Петра Великого, который 22 августа пронесла по улицам Москвы победившая демократическая общественность, был объявлен государственным флагом. Похороны трех погибших защитников Белого дома — Владимира Усова, Дмитрия Комаря и Ильи Кричевского — транслировались по центральным каналам [Ibid., 31–32]. Однако эти шаги не получили продолжения. 22 августа не было объявлено национальным праздником (лишь в 1994 г. эта дата стала памятным Днем российского флага).

Погибшие защитники Белого дома удостоились скромного памятника. Поставленный на месте их гибели, он расположен вблизи проезжей части и неудобен для проведения массовых мероприятий. Памятные мероприятия в их честь, которые стали наиболее устойчивым ритуалом коммеморации событий августа 1991 г., проходят у их могил на Ваганьковском кладбище. Общего памятника всем защитникам Белого дома установлено не было. Вместе с тем очевидным символическим наследием августовских событий является другой отсутствующий памятник — памятник Ф. Э. Дзержинскому на Лубянской площади, который был демонтирован вечером 22 августа 1991 г. на волне эйфории от победы над ГКЧП. Периодически возобновляющиеся дискуссии о его восстановлении на прежнем месте в какой-то мере являются отголоском борьбы за интерпретацию августовских событий. В целом можно сказать, что в начале 1990-х гг. российские власти не столько не смогли, сколько не захотели превратить победу над ГКЧП в полноценный миф основания новой России. Устойчивые ритуалы коммеморации, которые были бы понятны людям и в которых они бы охотно участвовали, так и не сложились. Поскольку трагические и гораздо более кровавые события октября 1993 г. были также связаны с Белым домом, в дальнейшем это сделало проблематичным превращение победы демократических сил в августе 1991 г. в миф основания новой России.

Если в 1990-х гг. власть занимала половинчатую позицию в отношении коммеморации августовских событий, разделяя нарратив о победе демократических сил, но не особенно его продвигая, то в 2000-х гг., с приходом на пост президента В. В. Путина, она выбрала роль мнемонического уклониста. Несмотря на то что в 1991 г., будучи председателем комитета по внешним связям мэрии Ленинграда и близким соратником первого демократически избранного мэра города А. А. Собчака, Путин принимал активное участие в организации сопротивления ГКЧП в Ленинграде, став президентом, он предпочитает об этом не вспоминать. В логике официального исторического нарратива 2000-х гг., сосредоточенного на «тысячелетнем Российском государстве», августовские события, ставшие прологом

к распаду СССР, не столько славный, сколько досадный эпизод. Так или иначе, ни в 2001, ни в 2011, ни в 2016, ни в 2021 году никаких официальных торжеств по поводу данных юбилейных дат не устраивалось. И даже по случаю Дня государственного флага Российской Федерации преемники Б. Н. Ельцина никогда не произносили памятных речей. 22 августа 2021 г. Путин впервые принял участие в торжественной церемонии поднятия флага России в парке Победы на Поклонной горе в Москве. Однако он не выступал с речью, а состоявшуюся следом встречу с представителями «Единой России» посвятил подготовке к съезду партии [Путин]. Таким образом, в официальной риторике путинского периода события августа 1991 г. оказываются фигурой умолчания.

В поисках хоть какой-то реакции представителей власти по поводу 30-летия августовских событий СМИ обсуждали не слишком внятное выступление помощника президента В. Мединского на конференции «История для будущего: последний месяц СССР август 1991 года», организованной в Музее современной политической истории при участии Ельцин Центра. Вспоминая о своем личном участии в августовских событиях, Мединский констатировал, что его отношение к ним неоднократно менялось, и заявил, что «нам нельзя жить прошлым» и что из него «нужно извлекать правильные выводы» [Августовские события...].

В ситуации, когда власть занимает позицию мнемонического уклониста, память об августовских событиях формируется путем

относительно свободной конкуренции. Она задается двумя взаимоисключающими мифами, отражающими точки зрения победителей и побежденных, — мифом о *триумфе демократии* и мифом об *утрате советской Родины/ великой державы*. Впрочем, спектр нарративов, циркулирующих в публичном пространстве, не ограничивается этой бинарной оппозицией (табл. 1). При этом степень представленности выявленных нарративов в проанализированных мною СМИ менялась от юбилея к юбилею. Следует оговориться, что выводы относительно динамики выделенных нарративов носят предварительный характер, поскольку на данном этапе я не готова дать количественные оценки.

Нарратив о *победе демократических сил над сторонниками коммунистического реванша* поддерживался Б. Н. Ельциным и теми, кого в начале 1990-х гг. называли «демократами», а потом стали называть «либералами». Случившееся в августе 1991 г. описывается в нем как провал путча сторонников реставрации распадающегося советского режима, который обернулся демократической революцией, свергнувшей коммунистический режим. Связь августовских событий с распадом СССР не отрицается, но интерпретируется как непреднамеренное последствие: утверждается, что путч ГКЧП ускорил распад СССР, который назревал до августовских событий, но после августовских событий стал абсолютно неизбежным.

Данный нарратив существует в разных версиях, которые можно свести к комбинации двух измерений (табл. 2). В публикациях,

Таблица 1

Соперничающие нарративы о событиях августа 1991 г. и их связи с распадом СССР

Нарратив	Кто его предлагает	Что случилось в августе 1991 г.	Связь с распадом СССР
Победа демократических сил	Б. Ельцин, «демократы»/либералы	Демократическая революция, свергнувшая коммунистический режим/путч, который провалился	Путч ГКЧП ускорил распад СССР
Удар по перестройке	М. Горбачев	Двойное предательство (ГКЧП и Ельцина)	Распада СССР можно было избежать
Неудавшаяся попытка спасти советскую Родину	Члены ГКЧП, коммунисты, консерваторы/национал-патриоты	ГКЧП действовал легитимно, выполняя волю народа	К распаду СССР привел провал путча
Заговор врагов	Разные версии [Яблоков]	Заговор элит (в разных конфигурациях)	СССР распался из-за происков врагов

Четыре версии нарратива о «демократической революции»

Оценка	С точки зрения элит	С точки зрения рядовых участников
Триумф	Схватка элит, в которой победила «правильная» сторона	Народ сплотился для поддержки демократии и победил
Разочарование	Тогда, в августе, мы победили, но потом все пошло не так	Народ цинично использовали и обманули

интерпретирующих события августа 1991 г. как демократическую революцию, можно выделить две ретроспективные оценки — триумф и разочарование. При этом история может рассказываться «из перспективы» противостоящих элит или рядовых участников событий. В триумфалистско-элитистском варианте история выглядит как схватка элит, в которой победила «правильная» сторона. Как говорил, к примеру, в 2011 г. С. Белковский, «если бы в августе 1991-го президентом РСФСР оказался не мощный, отважный Ельцин, готовый идти до конца, а кто-нибудь типа Горбачева, мы с высокой вероятностью сползли бы в кровавый хаос» [Белковский]. Более демократический вариант триумфалистского нарратива делает упор на роль народа в победе над ГКЧП. Как сформулировал это Лев Пономарев, «множество людей решали судьбу страны и, возможно, пережили лучшие мгновения своей жизни. Был настоящий порыв к свободе, большие надежды. И огромная нравственная сила мирного сопротивления» [Пономарев]. Однако история о демократической революции может быть рассказана и как история разочарования. В элитистском варианте она сводится к схеме: тогда, в августе, мы победили, но потом что-то пошло не так. В качестве поворотной точки, когда что-то «пошло не так», могут выступать кризис 1993 г., первая чеченская война, президентские выборы 1996 г., залоговые аукционы и др. Из перспективы рядовых участников история выглядит как рассказ о том, как народ цинично использовали, а затем обманули.

Совершенно иначе события августа 1991 г. интерпретируются одним из главных участников — Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Его статьи и интервью публикуются к каждой круглой годовщине августовского путча. Хотя рассказываемые в них истории раз от раза

обогащаются новыми деталями, они воспроизводят одну и ту же смысловую схему: случившееся в августе 1991 г. рассматривается как удар по перестройке и двойное предательство — сначала со стороны ГКЧП, а затем со стороны Ельцина. По версии Горбачева, распада СССР можно было избежать, поскольку готовился союзный договор, который должен был реформировать Союз. Таким образом, действия ГКЧП, сорвавшего подписание договора, а затем Ельцина, использовавшего победу над ГКЧП для захвата власти, и привели к распаду СССР. Несмотря на вполне понятное внимание СМИ к воспоминаниям президента СССР, нельзя сказать, что *нарратив об ударе по перестройке* имеет широкую поддержку.

В 2000-х гг. более заметной стала версия его оппонентов, пытающихся представить *ГКЧП как неудавшуюся попытку спасти СССР*. Данный нарратив отстаивают бывшие члены ГКЧП, которым в годовщины событий также охотно предоставляют медийную трибуну, а также коммунисты и национал-патриоты. При этом акценты могут расставляться по-разному: коммунисты нередко делают упор на утрату советского режима, тогда как национал-патриоты — на распад могущественной сверхдержавы. При этом приверженцы этого нарратива любят подчеркивать, что ГКЧП действовал легитимно, поскольку осуществлял волю народа, который на референдуме в марте 1991 г. высказался за сохранение СССР. Соответственно к распаду СССР привел не путч, а его провал. В 2011 г. коммунисты провели пленум своего ЦК, на котором Г. А. Зюганов представил развернутую концепцию событий 1991 г. Она получила заметное освещение в прессе. Зюганов доказывал, что «создание ГКЧП стало актом гражданского мужества людей, попытавшихся воспрепятствовать

надвигавшейся катастрофе — разрушению СССР и КПСС, уничтожению социализма, всего образа жизни трудящихся нашей Родины» [Зюганов]. Однако эта попытка была плохо организована и потому провалилась.

Наконец, есть целый спектр нарративов, рассматривающих *августовские события как заговор* врагов России/СССР, причем с разным составом участников и разными целями [Яблоков, 111–150].

Популярность этих нарративов у населения не вполне совпадает со степенью их представленности в СМИ. Если посмотреть на опросы общественного мнения, систематически проводившиеся Левада-центром, то можно обнаружить, что версия о «победе демократической революции, покончившей с властью КПСС», перестала пользоваться популярностью уже в середине 1990-х, в опросах 2000–2010 гг. она набирает от 6 до 13 %. Это не совсем ничтожная величина, но очевидно, что так думает меньшинство. Однако другой соперничающий нарратив, о правоте ГКЧП, пользуется несколько большей популярностью. В 2018 г. 13 % опрошенных высказали мнение, что прав был ГКЧП, 10 % — что Ельцин и демократы. Гораздо больше распространена интерпретация августовского путча 1991 г. как «трагического события, имевшего гибельные последствия для страны и народа»: в июле 2018 г. за нее высказались 38 % респондентов. Не менее популярна и версия о том, что это был просто «эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны»: в июле 2018 г. ее поддержали 36 % опрошенных [Августовский путч...].

Как я уже отмечала, у меня пока не готовы результаты количественного анализа, позволяющие проследить представленность выделенных версий в медийных публикациях разных лет. Однако предварительно, на основании первого раунда кодирования, можно сказать, что нарратив *о победе демократических сил*

был обильно представлен в юбилейных публикациях 2001 г., причем во всех своих четырех конфигурациях. В 2011 г., а также в последующие годы (2016, 2021) он также был заметен, но фреймировал в духе разочарования, триумфалистские высказывания были единичными. Горбачевский нарратив об *ударе по перестройке*, будучи объектом критики сторонников как Ельцина и демократов, так и ГКЧП, в 2000–2010-х гг. особой поддержкой не пользовался. История об августовских событиях как *неудавшейся попытке спасти советскую Родину* стала особенно заметной с 2011 г. То же можно сказать о *нарративе о заговоре врагов*: будучи в 2001 г. маргинальным, он постепенно набирает популярность. Таким образом, предварительно можно говорить об определенной динамике соперничающих нарративов, наиболее заметной чертой которой является постепенная маргинализация триумфалистского нарратива о победе демократии.

Подводя итоги эволюции политической памяти о событиях 1991 г., можно охарактеризовать режим памяти, сложившийся спустя 30 лет, как гибридный. Он определяется комбинацией мнемонических уклонистов (в лице власти, отношение которой, судя по опросам, разделяет большинство общества) и мнемонических воителей (в лице сторонников соперничающих нарративов о победе демократической революции и утрате советской Родины/великого государства). Эволюция режима памяти определяется, с одной стороны, трансформацией первого нарратива в логике разочарования, а с другой — нарастающей маргинализацией отстаивающих его либералов. Таким образом, очевидно мирный характер коммеморации тридцатой годовщины свидетельствует не столько о преодолении конфликта между разными версиями памяти, сколько об изменении конфигурации сил конкурирующих сторон и нарастании апатии со стороны большинства.

Список источников

Августовский путч: Пресс-выпуск Левада-Центра. 14.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/14/avgustovskij-putch-2/> (дата обращения: 04.07.2021).

Августовские события 1991 года определили судьбу страны, заявил Мединский // Сайт РИА Новости. 19.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210819/gkchp-1746349603.html> (дата обращения: 07.11.2021).

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

- Белковский С. От распада СССР — к краху России? // Московский комсомолец. 2011. 18 авг. С. 3.
- Зюганов Г. А. Двадцать лет после СССР // Независимая газета. 2011. 19 авг. С. 5.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4. С. 6–22.
- Малинова О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56.
- Пономарев Л. Главное и подробности // Московский комсомолец, 2011. 19 авг. С. 3.
- Путин В. В. Встреча с представителями партии «Единая Россия» // Сайт «Президент России». 22.08.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/66428> (дата обращения: 07.11.2021).
- Яблоков И. Русская культура заговора: Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 431 с.
- Smith K. E. *Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca. London: Cornell University Press, 2002. xi. 223 p.
- Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. xviii. 362 p.

References

- Assmann, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics] / transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Avgustovskie sobytiia 1991 goda opredelili sud'bu strany, zaiavil Medinskii [The August events of 1991 predetermined the faith of the country]. *Website RIA Novosti*. 19.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210819/gkchp-1746349603.html> (accessed: 07.11.2021).
- Avgustovskii putch. Press-vypusk Levada-Tsentra* [The August coup. Press-release of Levada center]. 14.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/14/avgustovskij-putch-2/> (accessed: 04.07.2021).
- Belkovskii, S. (2011). Ot raspada SSSR — k krakhu Rossii? [From the collapse of the USSR — to break-up of Russia?]. *Moskovskii komsomolets*. 18.08.2011. P. 3.
- Malinova, O. Yu. (2017). Kommemoratsia istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: perspectives for comparative analysis]. *Politea*, 4, 6–22.
- Malinova, O. Yu. (2018). Kommemoratsia stoletia revoliutsii(i) 1917 goda v RF: sravnitel'nyi analiz sopernichaiuschikh narrativov [The commemoration of the centenary of the 1917 revolution(s) in Russia: comparative analysis of the competing narratives]. *Polis. Politicheskie issledovania*, 2, 37–56.
- Ponomarev, L. (2011). Glavnoe i podrobnosti [The main issue and details]. *Moskovskii komsomolets*. 19.08.2011. P. 3.
- Putin, V. V. (2021). Vstrecha s predstaviteliami partii "Yedinaia Rossia" [Meeting with the representatives of the Yedinaia Rossia Party]. *Website "President of Russia"*. 22.08.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/66428> (accessed: 07.11.2021).
- Smith, K. E. (2002). *Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca. London: Cornell University Press. xi. 223 p.
- Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* (2014) / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press. xviii. 362 p.
- Yablokov, I. (2020). *Russkaia kultura zagovora: Konspirologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve*. Moscow: Alpina non-fiction. 431 p.
- Zyuganov, G. A. (2011). Dvadsat' let posle SSSR [Twenty years after the USSR]. *Nezavisimaia gazeta*. 19.08.2011. P. 5.

Сведения об авторе

Малинова Ольга Юрьевна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Information about the author

Olga Iu. Malinova — Doct. Sci. (Philosophy), professor National Research University Higher School of Economics, chief research fellow Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021;
принята к публикации 15.12.2021

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 30.11.2021;
accepted for publication 15.12.2021